

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0 + 821.111.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)52 +
83.3(4Вел)52

И.С. ТУРГЕНЕВ — ЧИТАТЕЛЬ ВАЛЬТЕРА СКОТТА (ПО МАТЕРИАЛАМ БИБЛИО- ТЕКИ ПИСАТЕЛЯ). СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

© 2022 г. И.О. Волков, Э. М. Жилякова

*Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Томск, Россия*

Дата поступления статьи: 15 марта 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 08 июня 2021 г.

Дата публикации: 25 марта 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-216-239>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00219 «И.С. Тургенев и проблемы западноевропейской литературы (по материалам родовой библиотеки писателя)»

Аннотация: В статье разрабатывается проблема восприятия И.С. Тургеневым творчества В. Скотта. Материалом исследования впервые выступают многочисленные пометы русского писателя, оставленные на страницах многотомного собрания сочинений английского романиста. Следы тургеневского чтения связаны со стремлением постичь особенности художественного метода, уяснить сущность объективной манеры повествования, определяемой историзмом и проявившейся в линии развития главных героев. Интерес И.С. Тургенева главным образом направлен на изображение человека как носителя национальной стихии. Своеобразие его рецепции заключается в уяснении синтеза комических и трагических черт, проявленных в образе и поведении героев. При этом принципиально важным для писателя явился жизнеутверждающий характер этого эстетического единства. Позиция Тургенева-читателя сказалась в усвоении просветительской концепции личности, декларируемой В. Скоттом. Большое число помет акцентирует описание жизни человека в ее ежедневных будничных проявлениях, неразрывно связанных с общим ходом истории. Этот интерес к изображению национальной стихии совпадал с развитием самого И.С. Тургенева в 1840-е гг.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, В. Скотт, библиотека Тургенева, пометы, «Уэверли», «Гай Мэннеринг, или Астролог», «Антикварий», «Айвенго», «Ламмермурская невеста», «Легенда о Монтрозе», «Кенилворт», «Пират», «Сент-Ронанские воды».

Информация об авторах: Иван Олегович Волков — кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, 634050 г. Томск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

E-mail: wolkoviv@gmail.com

Эмма Михайловна Жилякова — доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, 634050 г. Томск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9259-0436>

E-mail: emmaluk@yandex.ru

Для цитирования: Волков И.О., Жилякова Э.М. И.С. Тургенев — читатель Вальтера Скотта (по материалам библиотеки писателя). Статья первая // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 1. С. 216–239. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-216-239>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 1, 2022

I.S. TURGENEV AS A WALTER SCOTT'S READER (ON TURGENEV'S PERSONAL LIBRARY). PART 1

© 2022. Ivan O. Volkov, Emma M. Zhilyakova
*National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia*
Received: March 15, 2021
Approved after reviewing: June 08, 2021
Date of publication: March 25, 2022

Acknowledgements: The research was carried out with financial support from the Russian Foundation for Fundamental Research (RFFI), project no. 19-012-00219 “I.S. Turgenev and the Problems of Western European Literature (Based on the Materials of the Writer’s Family Library)”

Abstract: The article covers the issue of Turgenev’s perception of Walter Scott’s literary works, using a hitherto understudied materials from I.S. Turgenev’s personal library. Research attention is focused on the analysis of Turgenev’s multiple notes left on the pages of multi-volume collected works of the English novelist. The traces of his attentive reading are connected with the desire to comprehend the peculiarities of the English writer’s artistic method, to understand the essence of his objective manner of storytelling, determined by historicism and manifested in the development line of the protagonists. Reading the novels of Scott, Turgenev was drawing his special interest to the image of the common people as well as a carrier of the national element. The personal touch of Turgenev’s perception of folk characters created by the English author is that the Russian writer paid attention to the synthesis of comic and tragic features in the characters and their behavior. At the same time, the life-affirming nature of this synthesis was fundamentally important. Turgenev’s aesthetic position during the reading of Scott’s novels was manifested in the assimilation of the educational concept of the personality, declared by the English writer. A large number of notes are associated with a description of the fate and nature of the characters, which represent common national life in Scott’s works, in its daily everyday manifestations. This interest in the position of the author and the image of the national element coincided with the development of Turgenev himself in the 1840-s.

Keywords: I.S. Turgenev, Scott, I.S. Turgenev’s personal library, notes, “Waverley,” “Guy Mannering; or, The Astrologer,” “The Antiquary,” “Ivanhoe,” “The Bride of Lammermoor,” “A legend of Montrose,” “Kenilworth,” “The Pirate,” “Saint Ronan’s Well.”

Information about the authors: Ivan O. Volkov, PhD in Philology, Docent, National Research Tomsk State University, Lenin Ave., 36, 634050 Tomsk, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

E-mail: wolkoviv@gmail.com

Emma M. Zhilyakova, DSc in Philology, Professor, National Research Tomsk State University, Lenin Ave., 36, 634050 Tomsk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9259-0436>

E-mail: emmaluk@yandex.ru

For citation: Volkov, I.O., Zhilyakova, E.M. “I.S. Turgenev as a Walter Scott’s Reader (on Turgenev’s Personal Library). Part 1.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 216–239. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-216-239>

А.А. Долинин в своей книге «История, одетая в роман» [3] выстроил целую галерею лиц, бывших когда-то читателями и критиками Вальтера Скотта. В череде имен, составивших огромный культурный пласт восприятия творчества английского романиста, несколько раз мелькает И.С. Тургенев. Действительно, ум и воображение русского писателя В. Скотт занимал на протяжении всей жизни. Связано это не только с силой «подлинного исторического чутья и истинно национального чувства» [12, т. 12, с. 331], о которой И.С. Тургенев упомянул в своей юбилейной речи 1871 г. Он видел в «великом властителе романа» не одного лишь историка, но главным образом художника, мастерством слова, «живым описанием» служившего гуманистической идее. Этот нравственный пафос звучит во всех его произведениях, где более или менее зримо явлена опора на вальтерскоттовскую традицию: от рассказа «Жид» (1847) до повести «Клара Милич» (1883). Истоком неизменного пиетета Тургенева к Вальтеру Скотту во многом стало глубокое изучение творчества этого писателя на языке оригинала. Реконструировать процесс тургеневского чтения позволяют материалы личной библиотеки писателя, хранящейся в Литературном музее его имени г. Орла (ОГЛМТ).

Творчество Вальтера Скотта в книжной коллекции И.С. Тургенева представлено несколькими изданиями на русском, французском и английском языках. Сочинения в переводе на русский язык («Кенилворт», «Астролог», «Красная перчатка») [7; 8; 10], судя по владельческим надписям-экс-либрисам («Из книг Катерины Ивановны Сомовой», «Книги Катерины Ивановны Сомовой»), принадлежали бабушке писателя — Е.И. Сомовой. Произведения на французском («Монастырь», «История времен крестовых походов») [14; 13] также имеют подпись владельца на титульном листе:

“Barbe de Turgenev”, что, конечно, указывает на мать писателя, Варвару Петровну, которая выписывала переводные романы и помечала их своим именем. Но собственно тургеневской «лабораторией» читателя стало объемное собрание сочинений именно на английском языке, составленное из 25 томов и выпущенное в 1831–1838 гг. парижским книготорговцем и издателем Клодом-Луи Бодри (Claude-Louis Baudry, 1793–1853) в общей серии английской литературы (Baudry’s Collection of Ancient and Modern British Novels and Romances). Все тома сохранили мягкий издательский переплет, на корешках имеются ярлыки с полочной нумерацией. В собрании отсутствует том VI, в котором были напечатаны романы “The Black Dwarf” и “Old Mortality”.

В девяти томах и десяти романах содержатся пометы, сделанные в виде отчеркиваний и подчеркиваний на полях или в тексте карандашом и ногтем, кроме того, присутствуют небольшие записи на английском языке. Сомневаться в их принадлежности именно И.С. Тургеневу не приходится, поскольку аналогичный характер помет (аккуратные короткие вертикальные и горизонтальные штрихи, редко — тонкие линии вдоль текста, знаки «?» и «+») наблюдается в принадлежащих ему книгах У. Шекспира и Ч. Диккенса. Идентичны тургеневскому почерку и те немногочисленные надписи, что оставлены им на полях. В результате особым читательским вниманием отмечены романы: “Waverley” [27], “Guy Mannering; or, The Astrologer” [16], “The Antiquary” [21], “Ivanhoe” [17], “The Bride of Lammermoor” и “A legend of Montrose” [23], “Kenilworth” [18], “The Pirate” [25], “The Fortunes of Nigel” [24], “Saint Ronan’s Well” [20]. Остальные книги полностью или частично разрезаны (как, например, “Redgauntlet» [19], “The Betrothed” [22], “The Talisman” [26], “Anna of Geierstein” [15]), но помет в них не оставлено.

Судя по уже упомянутому сходству читательских замет И.С. Тургенева, парижское издание сочинений В. Скотта было прочитано в самом начале 1840-х гг. Во всяком случае это произошло до создания рассказа «Хорь и Калиныч» (1847), где явственно просматривается переключка со скоттовской эстетикой на уровне осмысления национальных типов, отдельных мотивов и художественных деталей¹. Вероятно, книжное собрание было при-

1 В первом рассказе «Записок охотника» И.С. Тургенев, поставив проблему национального характера, изображает два крестьянских типа — Хоря и Калиныча, соотносенных по масштабу и своеобразию с Гуртом и Вамбой из романа «Айвенго». Показательным также

обретено за границей в то самое время, когда писатель заканчивал обучение в Берлинском университете.

Все романы Вальтера Скотта, отмеченные явным интересом И.С. Тургенева, были переведены на русский язык до 1828 г. [1, с. 274–275], т. е. он мог познакомиться с ними уже в юности — в эпоху чрезвычайного увлечения «шотландским чародеем». Однако обращение к сочинениям В. Скотта именно на английском языке и в наиболее полном их составе было обусловлено стремлением уяснить специфику творческого метода романиста и своеобразие его стиля. Кроме того, личный интерес И.С. Тургенева соответствовал всеобщему увлечению В. Скоттом в русском обществе, особенно в кругу друзей писателя. В.Г. Белинский восторженно писал в это время о «Ламмермурской невесте», «Сент-Ронанских водах», а самого автора называл «человеком», «споспешествующим развитию истинного взгляда на историю»: «В его романах толпятся люди, волнуются страсти, кипят интересы, великие и малые, высокие и низкие, и во всем этом проявляется пафос эпохи, с удивительным искусством схваченный» [6, т. 7, с. 89]. В 1843 г. Н.Х. Кетчер переводил роман «Уэверли» [6, т. 9, с. 561], В.П. Боткин тогда же писал А.А. Краевскому, что «на себя готов взять перевод “С.-Ронанских вод”» [6, т. 9, с. 561]. В 1845–1846 гг. появился план нового собрания сочинений В. Скотта, однако полностью это предприятие не осуществилось (вышли четыре романа: «Айвенго», «Квентин Дорвард», «Антикварий» и «Гай Мэннеринг»). Основой для переводной серии романов (в 31 томе) должно было послужить именно «парижское издание Бодри»².

является использование художественной детали в описании «роскошного пира» принца Джона при характеристике образа помещика Пеночкина:

«Айвенго»

«Сопровождавшие принца многочисленные повара, стремясь как можно больше разнообразить блюда, подаваемые на стол, старались так приготовить кушанья, что они приобретали необычайный вид, вроде того, как и нынешние мастера кулинарного искусства доводят обыкновенные съестные припасы до степени полной неузнаваемости» [11, т. 8, с. 180].

«Хорь и Калиныч»

«...завел у себя в доме французскую кухню, тайна которой, по понятиям его повара, состояла в полном изменении естественного вкуса каждого кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба — грибами, макароны — порохом; зато ни одна морковка не попадала в суп, не приняв вида ромба или трапеции» [12, т. 3, с. 8].

2 ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 424. Л. 1.

Вопрос о характере восприятия И.С. Тургеневым творчества В. Скотта был поставлен Д.С. Гутманом. Опираясь на исследование Б.Г. Реизова о философско-художественной природе исторического романа [5], Д.С. Гутман развивает концепцию историзма («восприятие жизни как процесса непрерывного развития» [2, с. 89]), на котором (помимо прочего) базируется интерес И.С. Тургенева. Действительно, русскому писателю принципиально близко внимание В. Скотта к «мгновениям перелома» эпох. И.С. Тургенев, усваивая авторскую постановку вопроса об историческом движении общества и месте отдельного человека в этом процессе, в своих романах позднее сам воссоздает «узловые точки пересечения в борьбе <...> сил и идей, предельно точно и проникновенно изображает закономерности современного ему развития <...> России» [2, с. 92].

С историзмом двух писателей Д.С. Гутман связал художественное своеобразие их прозы: «увлеченность местным колоритом», психологизм «сдержанной эмоциональности», выражаемой в поступках и действиях, и приемы «точной и вдумчивой хроникальности» [2, с. 92–93]. Исследование помет И.С. Тургенева на страницах романов Вальтера Скотта позволяет не только конкретизировать указанные особенности, но и поставить целый ряд новых проблем.

В первом томе сочинений, где помещен «Уэверли», И.С. Тургенев оставил почти два десятка помет. Такое внимание к роману, открывшему шотландский цикл, вполне согласуется с реакцией его первых читателей. В тургеневской рефлексии на первый план выходят особенности национального характера, которые В. Скотт сумел достоверно воспроизвести благодаря объективной манере повествования. При этом чтение носит характер «странной» избирательности, поскольку между прочитанными и отмеченными страницами остаются промежутки с неразрезанными листами. Возможно, отбор романного материала был связан у И.С. Тургенева с процессом сверки первоначальных впечатлений, поиском конкретных мест в рамках собственных творческих установок.

Тем не менее русский писатель вчитывается в роман, погружаясь в события восстания 1745 г., когда горная Шотландия поднялась против английского парламента, свергнувшего династию шотландских Стюартов. Системой своих кратких, но емких помет И.С. Тургенев, словно по фрагментам, собирает воедино картину сложного национального движения, откликаясь

на изображение «нравственных уроков», «характеров и страстей действующих лиц — тех страстей, которые свойственны людям на всех ступенях общества и одинаково волнуют человеческое сердце» [11, т. 1, с. 70–71].

Вальтер Скотт выстроил повествование вокруг английского капитана Уэверли, воспитанного дядей — богатым и независимым баронетом Эверардом, — и тетей Рэчел, которые хранят память о дружбе с шотландскими якобитами. Русский писатель следит за развитием главного героя: от его симпатии и сочувствия к шотландцам до понимания обреченности их восстания. Так, И.С. Тургенев отчеркивает на полях первые впечатления Уэверли, связанные с внезапным появлением на его пути Брэдуордина, образованного и богатого шотландского лэрда, который после «своего столкновения в 1745 г. с законом о государственной измене» стал вести уединенный образ жизни:

Педантизм законника, соединенный с воинской гордостью солдата, мог бы напомнить человеку наших дней о ревностных волонтерах, накидывавших адвокатскую мантию на блестящую военную форму [11, т. 1, с. 127].

Эта характеристика чуть позже дополняется в восприятии И.С. Тургенева описанием реакции Уэверли на оскорбительные для англичанина слова другого шотландца. Он отчеркивает снисходительность героя по отношению к недвусмысленному тосту Балмауопла, когда тот пытается извинить выпад против Георга II нетрезвым состоянием говорившего:

Ему было нанесено личное оскорбление — ему, дворянину, офицеру и члену семейства Уэверли! Правда, оскорбитель был лишен в тот момент даже той скромной доли рассудка, которой наделила его природа [11, т. 1, с. 143].

Далее среди характеров, как бы ненавязчиво представленных взору Уэверли, И.С. Тургенев отмечает образ приказчика, а именно шутивное замечание повествователя по поводу его «сметливой» природы:

Следует заметить, что приказчик, зная по опыту, что угощение, происходившее за счет патрона, может закончиться частично и за его счет, взобрался на своего страдающего шпатою серого пони и, *под влиянием как ве-*

селья духа, так и страха быть втянутым в расплату по счетам, пустил его спотыкающимся галопом (о рыси не могло быть и речи) и уже исчез из деревни» [II, т. I, с. 136–137].

В галерее шотландских характеров, окружающих Эдварда Уэверли, выделена также фигура местного помещика Килланкьюрейта. Писатель отмечает его «нудный однотонный голос» и богатое содержание заплетающейся речи, наполненной приметами ежедневного сельского труда: «...об удобрении почвы сверху и снизу, о ягнятах одногодках и двухлетках, барашках между первой и второй стрижкой, яловых коровах, гайлендской породе скота и предполагаемом сборе на заставах...» [II, т. I, с. 138].

Составляя из впечатлений Уэверли «очерк» шотландских нравов, И.С. Тургенев со всей очевидностью отдает предпочтение явлениям обычного порядка. Его внимание не случайно движется от попойки в доме тетюшки Мак-Лири к встрече Эдварда с Дональдом Бин Лином. Во-первых, писатель отмечает возникшее в сознании Уэверли несоответствие между ожидаемым обликом разбойника («гигантская свирепая и мрачная фигура») и реальным («худощав и мал ростом, со светлыми, песочного цвета волосами и мелкими чертами бледного лица»): «...он был совершенно непохож на то, что Эдуард рисовал в своем воображении» [II, т. I, с. 190]. Во-вторых, И.С. Тургенев выделил в рассуждении Эвана Дху характеристику Бин Лина как «необыкновенного вора». Внимание писателя привлекла философская мысль о «благородной» сущности скотокрада, которая оказывается своеобразным жизненным кредо людей его «профессии»:

Нет, вор — тот, кто крадет корову у бедной вдовы или бычка у крестьянина, а того, кто угоняет стадо у помещика-сассенаха, я называю джентльменом-гуртовщиком. А кроме того, для гайлендца нет ничего зазорного забрать у сассенаха дерево из его леса, лосося из его реки, оленя с его горы или корову с его долины [II, т. I, с. 198].

3 Здесь и далее цитаты из романов В. Скотта приводятся в русском переводе по 20-тому собранию сочинений 1960–1965 гг. (М.; Л.: ГИХЛ), случаи разночтения оговариваются особо. Подчеркивания и отчеркивания, сделанные И.С. Тургеневым на страницах английского издания, переданы курсивом.

Несмотря на то что такие нравственные правила сельского «джентльмена», проходящие через впечатления Уэверли, во многом корректируются трезвыми оценками повествователя (не без критических акцентов), И.С. Тургенев остается на позиции восприятия героя. Он не отмечает тех дополнений, что звучат от автора, всецело принимая первоначальные ощущения Эдварда, но при этом, конечно, понимает всю справедливость «закадрового» голоса, который как бы готовит пору зрелости юноши.

Особый интерес у И.С. Тургенева вызывает положение Уэверли в восстании якобитов. Писатель прослеживает путь героя от службы в английском полку до его перехода в лагерь горцев, учитывает при этом и условия внутрисемейной политической разобщенности. Так, И.С. Тургенев отчеркивает в тексте строки о капитане Уогане, который близок Эдварду по своему свободолобивому духу:

Первоначально он поступил на службу к парламенту, но отрекся от этой партии после казни Карла I. Услышав, что королевский штандарт поднят в горной Шотландии графом Гленкернским и генералом Миддлтоном, он распрощался с Карлом II, находящимся тогда в Париже, переправился в Англию, собрал в окрестностях Лондона отряд якобитов и пересек все королевство, уже длительное время находившееся под властью узурпатора. Переходы свои он совершал с таким искусством, находчивостью и смелостью, что благополучно слил свою горстку всадников с войсками восставших горцев [11, т. 1, с. 292].

В логике тургеневского чтения привлекательной личности капитана вторят полученные Уэверли письма из Англии — от отца и тетки. Писатель отмечает в их содержании моменты, толкающие юношу к переходу на сторону шотландцев. В изложении отцовского письма с рекомендацией бросить службу в английской армии И.С. Тургенев отчеркивает слова, указывающие на авторитет дяди: «...таково, добавлял он, было и желание сэра Эверарда, который своевременно сам поставит об этом в известность племянника» [11, т. 1, с. 254]. В послании от тети Рэчел русский писатель выделяет ее выпад в сторону брата — Ричарда Уэверли, справедливо наказанного «за принесение присяги чужеземцу — уступка, на которую не пошел бы ее дед, сэр Найджел Уэверли, не признавший ни парламента Круглоголовых, ни Кромвеля» [11, т. 1, с. 255]. В читательском взгляде И.С. Тургенева голоса самых близких

(и при этом разобщенных между собой) Уэверли людей соединяются в согласное звучание.

Однако хором звучащую мысль о необходимости следовать «по стопам своих предков» И.С. Тургенев сталкивает со словами простого барышника («преображенного в воина-барышника!»). Этого героя, приставшего к отряду в надежде получить деньги за лошадей и не интересующегося военными действиями, он, вслед за автором, видит в роли беспристрастного судьи. Подчеркнув ответ барышника, на вопрос: «...не скажете ли вы мне, куда мы сейчас направляемся?», русский писатель придал ему значение неожиданного откровения:

Боюсь, что на самое дурацкое предприятие, — отозвалась эта весьма общительная личность [11, т. 1, с. 356].

Таким образом, в оценке действий и движения героя у И.С. Тургенева на первый план выходит истинное отношение к восстанию большинства мирных шотландцев. Личностная трансформация Уэверли позже завершится разочарованием в Фёргюсе, но русский писатель не отметит охлаждения «восторженной привязанности молодого волонтера к его непосредственному начальнику» [11, т. 1, с. 432–433], поскольку в его интерпретации главный аккорд уже прозвучал — предельно откровенно и именно из уст «низового» персонажа.

В результате И.С. Тургенев при чтении первого романа В. Скотта сосредоточил внимание на объективной организации материала, проявившейся прежде всего в линии развития главного героя. Оставляя вне подчеркивания такие значимые компоненты, как любовная интрига и женские образы, он попытался вне романтического контекста увидеть в поведении Уэверли логику истории на примере шотландского движения.

В связи с проблемой объективности В. Скотта для И.С. Тургенева встал вопрос авторского понимания той движущей силы истории, которая определяет ее развитие. Этот аспект чрезвычайно занимал русского писателя, особенно в 1842 г., когда он заканчивал работу над статьей «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине». В ней И.С. Тургенев задался «важным и перспективным» вопросом о значении крестьянства в России и определил его как «вопрос о будущности» [12,

т. 1, с. 419–420]. При этом он отмечает, что взволнованные думы об этом вопросе возникают не только на родине, но и во Франции, и в Англии, и в Германии: «...размышляем не мы одни — размышляет вся Европа» [12, т. 1, с. 429]. Но Тургенева волнует не столько рабство «наших хлебопашцев» как таковое, их крепостная зависимость (он сознательно говорит об этом лишь в конце статьи), сколько проблема крестьянского быта в самом широком его понимании. По мнению писателя, одной из главных перспектив развития России является воспитание в русском крестьянине «чувства гражданственности», т. е. личного самосознания. Очень характерно, что И.С. Тургенев в своих рассуждениях часто приводит в сравнение Англию (в том числе и Шотландию), немного углубляясь в ее историю и даже упоминая «свободных нормандских рыцарей». Особенно примечательна его отсылка к статье из газеты “Times”, в которой было дано «сравнение английского народа с русским и выводилось заключение, что великие характеры теперь чаще всего проявляются в Англии... да в России» [12, т. 1, с. 430]. И он, находя многие суждения “Times” ложными и самолюбивыми, все же принимает прозвучавшую со страниц газеты параллель о «великих характерах» двух стран. Такое движение тургеневской мысли весьма симптоматично: во время чтения романов Вальтера Скотта он обращает пристальное внимание на изображение обыкновенных людей, персонажей из народной среды как выразителей национального духа.

Так, в романе «Гай Мэннинг, или Астролог» (1815) И.С. Тургенев обращается к деревенскому учителю Сэмсону Домини. Писатель на полях выделяет карандашом большой абзац его речи:

— Да, это она!.. Это она!.. Это мисс Люси Бертрам! — воскликнул Сэмсон. — При моем скромном участии она в совершенстве овладела французским и итальянским и даже испанским, умеет хорошо читать и писать на своем родном языке и знает арифметику и бухгалтерию, простую и двойную. Я уже не говорю о том, что она умеет и кроить, и шить, и вести хозяйство, и надо по справедливости сказать, что этому она научилась уже не от меня, а от экономки. Не я также обучал ее игре на струнных инструментах: в этом немалая заслуга доброй, скромной и притом неизменно веселой и славной молодой леди, мисс Джулии Мэннеринг, suum cuique tribuito [11, т. 2, с. 450].

Интерес к этому образу обусловлен у писателя, с одной стороны, простотой и непосредственностью (это рассеянный человек, влюбленный в античность), которые прочно соединены с внутренним благородством. С другой стороны, И.С. Тургенев отмечает значимость роли, которую Сэмсон Домини играет в открытии истины (сообщает весть о родстве Люси и похищенного в детстве Бертрама).

Героев, которые не оказывают существенного влияния на развитие сюжетного действия, но без участия которых оно бы вовсе не состоялось, выделяет И.С. Тургенев в романе «Антикварий» (1816). Это Ситни — погибший молодой матрос, его мать и отец, нестерпимо страдающие от потери сына, а также старая мудрая Элпет. Но прежде всех на первый план у русского писателя вышел бродяга Охилтри, нищий странствующий старик, неунывающий деревенский философ: «...он в известной мере оракул той округи, по которой скитается, знаток местной генеалогии, поставщик новостей, он председательствует на пирушках, а при нужде заменит и доктора и духовника» [11, т. 3, с. 416]. И.С. Тургенев, например, обращается к тому эпизоду романа (гл. XIII), где Охилтри заманил и наказал «бродягу-немца» Дюстерзивеля, подчеркивая слово “*landlouper*” [21, р. 106]. Здесь же он выделяет в словах героя то определение, которым названо «ремесло» обманщика, возвращающего «души несведущих и доверчивых лиц» [11, т. 3, с. 158]: «мистическая *дребедень*». Наконец, писатель подчеркивает облагораживающее и возвышающее ручательство за арестованного старика, которое произносит (на свой страх и риск, но с удовольствием) антикварий Олдбок: «А я *ручаюсь*⁴, таким же образом, теo periculo, за Эди Охилтри» [11, т. 3, с. 435].

В романе «Кенилворт» (1821) особого внимания удостоиваются два героя из народа. И.С. Тургенев отчеркивает фрагменты, связанные с кузнецом Уэйлендом Смитом и деревенским парнишкой Дикки Флибертиджиббетом. В первом случае писатель останавливается на сцене принесения Смитом своеобразной присяги Тресиляну, главному персонажу романа. Кузнец хочет отплатить честным служением за оказанные ему благодеяния, среди которых и спасение жизни, при этом он признает свою совершенную негодность на роль товарища по оружию. И И.С. Тургенев, оценивая эту объективную самохарактеристику, ставит рядом с ней на по-

4 “And I will *vouch*...” [21, р. 306].

лях короткой штрих, а также дополнительно подчеркивает ее центральное слово — «*храбрецом*»:

Я не могу, правда, претендовать на то, чтобы считаться, что называется, храбрецом, одним из тех лихих забияк, которые впутываются в раздоры своих господ с мечом и щитом [II, т. II, с. 195].

Во втором случае И.С. Тургенев снова обращается к словам кузнеца, уже находящегося на службе у Тресилиана, но фиксирует внимание не на нем, а на его маленьком друге Дикки. В поле зрения русского писателя попадает полное восхищения обращение Уэйленда Смита к вечно шаловливому парнишке: «*Черт меня побери! <...> Да ты острее ножика из шеффилдской стали! Хотел бы я знать, каким чудом ты укротил этот характер медведя?*» [II, т. II, с. 393]. В отмеченном И.С. Тургеневым фрагменте речь идет о ловкости и сметливости Дикки, которые он проявил, чтобы пройти мимо великана-привратника и попасть в замок. Важен для писателя оказался и ответ маленького плута, поэтому он не без иронии подчеркнул содержащееся в нем определение «*торжественная*» [II, т. II, с. 394] по отношению к стихотворной реплике «колоссального стража Кенилворта», никак не поддающейся заучиванию.

Своеобразие тургеневского восприятия обыкновенных образов, созданных В. Скоттом, заключается во внимании к синтезу комических и трагических черт в характере и поведении героев. Принципиально важным для русского писателя явился жизнеутверждающий характер этого синтеза. Так, в небольшой тринадцатой главе романа «Ламмермурская невеста» (1819) И.С. Тургенев подчеркнул 11 отрывков. Такое обилие читательских помет в пределах нескольких страниц объясняется вниманием к картине патриархальной деревни и действующим в ней персонажам из народной среды — это бочар Гирдер и его семья, провинциальный священник и слуга замка Рэвенсвуд. И.С. Тургенев останавливается на комической сцене похищения вертела с жареными утками. Он отчеркивает проявление страха матери и дочери семейства Гирдера, которые еще исполнены наследственного уважения к Рэвенсвудам, перед лицом неминуемой расплаты со стороны бочара:

Стыдно ему! – воскликнула супруга мистера Гирдера. – Что я теперь скажу мужу? Он же убьет меня! [II, т. 7, с. 152].

И далее И.С. Тургенев отмечает гнев Гирдера, явившийся незамедлительно: «...я хочу спросить этих женщин, зачем они выложили на блюдо дичь, не дождавшись нашего приезда» [II, т. 7, с. 154], и внимательно следит за тем, как развиваются комические события. Он выделяет фигуру вставшей на защиту дочери миссис Лейтбоди: «Джин, испытавшая благоговеиный страх перед мужем, не осмелилась отвечать ему, но мать ее немедленно бросилась ей на помощь» [II, т. 7, с. 154]. А затем отчеркивает отступление главы семейства перед тещей, делая акцент на том грозном оружии, которое в духе стилистики Г. Филдинга вложил ей в руку повествователь: «бесстрашно подняла на обидчика железную поварешку». Сцена домашнего боя стремительно развивается, и внимание Тургенева переключается на плачущую жену Гирдера, на которой испуганный бочар решил выместить свой гнев. Писатель отмечает женский плач и вызванное им сочувствие у присутствующего здесь же священника:

...звуки, весьма похожие на жалобное всхлипывание, к которым пастор, поистине самый простодушный и добрейший из людей, отнесся с большим состраданием [II, т. 7, с. 154].

От проявления человеческой жалости писатель закономерно обращается к словам духовника, выступившего миротворцем в семейном побоище. Он карандашной чертой отмечает призыв пастора к сдержанности, великодушию и довольству малым:

Я помню время, когда одна такая лепешка, которых, как я вижу, имеются у вас в избытке, показалось бы лучшим лакомством тем несчастным, что во имя святой веры умирали с голода [II, т. 7, с. 155].

Увлекаясь полной юмора сценой с пропавшим вертелом, И.С. Тургенев, однако, не упускает из виду обозначенное автором противоречие в поведении гневного бочара. Гирдер выступает против зависимости от Рэвенсвудов, не признавая их дворянских привилегий, но, узнав о встре-

че Эдгара с лордом Эштоном, он вдруг резко меняет настрой и отправляет своего подмастерья в замок с поклоном. И.С. Тургенев ставит карандашный крестик напротив слов: «...взял на себя смелость послать бочонок с хересом и бочку с бренди» [11, т. 7, с. 158], а затем в реплике самого посыльного подчеркивает последнее замечание: «...а если мистеру Болдерстону чего-нибудь захочется, хозяин будет податлив, как ивовый обруч» [11, т. 7, с. 159]. Так русский писатель в общем пространстве комического находит, с одной стороны, проявления естественного сочувствия (пастор), а с другой — неутешительную податливость человеческой природы (бочар).

В строках, венчающих тринадцатую главу, И.С. Тургенев подчеркнул лишь одно слово, относящееся к подмастерью, — “*doffed*” (to doff — снимать шляпу, кланяться). Но, конечно, с большим вниманием писателем была дочитана вся глава. Семейная жизнь бочара вошла в свои привычные формы, смешав трагическое с комическим; именно это заключение так последовательно проводил В. Скотт, и именно оно было предметом пристального внимания И.С. Тургенева.

Трагикомическое единство вальтерскоттовской стилистики особенно было отмечено русским писателем на примере Калеба — виновника разыгравшейся семейной «драмы». К краже заветного вертела с гусями героя толкнула убийственная бедность его хозяина, в связи с которой он взял на себя миссию изображать давно рухнувшее великолепие рода Рэвенсудов. В рамках этой главы Калев явился в забавно-нелепом и напряженно-печальном положении одновременно. Отмечая эту двойственность изображения, И.С. Тургенев отчеркивает на полях описание слуги, приготовившего к защите изъятую у бочара ужина, и дополнительно выделяет его «оружие»:

...принял позу, полную достоинства, поднял вертел, словно собирался использовать его не то как пику, не то как щит, и приготовился скорее умереть, нежели возвратить драгоценную добычу [11, т. 7, с. 158].

Фрагмент с вертелом, безусловно, комичен, но в нем заложены и элементы трагического, связанные с крушением жизненных идеалов верного дворецкого. Эта связь и обусловленность двух противоположных граней интересует И.С. Тургенева во всех дальнейших описаниях бедного Калеба.

«Нужно <...> изображать людей обыкновенных, а не приятные только исключения из общего правила, которые всегда соблазняют поэтов на идеализирование и носят на себе чужой отпечаток», — так в конце 1840-х гг. восклицал В.Г. Белинский, настаивая на «обращении искусства к действительности, помимо всяких идеалов» [6, т. 8, с. 351]. Читательский интерес И.С. Тургенева словно предвосхищает эстетический тезис критика в связи с «натуральной школой». Русский писатель чрезвычайно внимательно отнесся к просветительской концепции личности, декларируемой Вальтером Скоттом. Логика его помет обнаруживает тесную связь с описанием судеб и характеров, представляющих общенациональную жизнь в ее ежедневных проявлениях. В романах В. Скота это бедные или разорившиеся дворяне, владельцы таверн и харчевен, офицеры, юристы и т. д. Все они разные, но при этом имеют общие черты: характеры лишены демонических начал, поступки объясняются влиянием среды, окрашены трагическим и комическим светом авторской симпатии и критики.

И.С. Тургенев, считавший в 1850-е гг. невозможным создание исторического романа в духе Вальтера Скотта, во время чтения «Легенды о Монтрозе» (1819) проявил живой интерес именно к историческим событиям. Например, он отмечает речь лорда Ментейта, одного из организаторов восстания, в защиту короля Карла и с резким осуждением ковенанта: *«И хорошо еще, что поспешность, с какой они совершили это предательство, помешала узурпаторам, захватившим в свои руки управление Шотландией, разглядеть опасность, которой они тем самым подвергали самих себя»* [II, т. 7, с. 446]. При этом русского писателя интересуют не только события истории как таковые, но и все то, что создает колорит эпохи. На полях он выделяет торжественное начало речи «убеленного сединами старика, преклонный возраст которого давал ему право на всеобщее уважение»: *«Тан ментейский! — заговорил он. — Ты хорошо сказал, и нет среди нас ни одного, в чьей груди не горели бы те же чувства»* [II, т. 7, с. 449]. Отдельно им отмечен разговор Монтроза с Дунканом Кэмбелом, посланником маркиза Аргайла. И.С. Тургенев очеркивает текст, в котором из уст главы могущественного горного клана звучит обвинение героя в его преданности ковенанту:

...первым переправился вброд через реку Тайн во главе своего полка и атаковал королевское войско. Если я не ошибаюсь, ведь это он огнем и мечом вводил ковенант в городах и селах Эбердина? [II, т. 7, с. 458].

После этого последовало искреннее раскаяние Монтроза, на которое Дункан ответил решением Аргила, и И.С. Тургенев следует за этой логикой, также выделяя «миролюбивое предложение» горца:

Во избежание кровавых распрей, которые неизбежно возникнут между горными кланами вследствие войны — установить мир к северу от границы горных районов, ибо в Шотландии и без того достаточно места для драки и нет необходимости соседям уничтожать друг друга и разрушать наследственные угодья [11, т. 7, с. 458].

В легенде Монтроз наделен противоречивостью, которая в итоге и обрекает восстание якобитов на поражение. И.С. Тургенев же особенно отмечает в нем гордость за Шотландию и готовность идти до конца в противостоянии парламенту. Например, писатель останавливается на таких словах Монтроза:

А если в свое время пасторам удалось своими проповедями выманить у шотландских старух их запасы домотканого полотна, из которого повстанцы понаделали палаток в лагере при Данзлау, то, надеюсь, что и я сумею повлиять на них... [11, т. 7, с. 455].

Здесь И.С. Тургенев делает акцент на решительности героя, соглашающегося прибегнуть к самым неожиданным мерам, чтобы обеспечить исполнение плана (в данном случае — предоставить одежду военному отряду). В том же русле писатель отмечает согласие Монтроза с Дунканом, в котором звучит мысль о неизбежности кровопролития, но в котором проявлено так же и стремление к поиску компромисса: «*И если бы условия такого мирного соглашения были установлены по всей справедливости и если бы мы могли быть уверены <...> что ваш маркиз честно будет соблюдать эти условия, я, со своей стороны, не прочь оставить за собой мир, ибо впереди нас ждет война*» [11, т. 7, с. 459].

И.С. Тургенев тщательно вникает в содержание политических проблем Шотландии, во внутренние отношения горцев, изучает причины их поражения. В аспекте внимания к восстанию Монтроза (и полного равнодушия к составляющему сюжет любовному треугольнику) И.С. Тургенев про-

являет отдельный интерес к фигуре капитана Дальгетти. Оценивая образ наемника, писатель следует за пушкинским восприятием, данным в «Записках бригадира Моро-де-Бразе (касающихся до турецкого похода 1711 года)». В предисловии к своему переводу поэт пишет, что герой «принадлежал к толпе тех наемных храбрецов, которыми Европа была наполнена еще в начале XVIII столетия и которых Вальтер Скотт так гениально изобразил в лице своего капитана Dalgetty» [9, т. 8, с. 399]. В романе этот «воин-дворянин» рисуется автором как фанатик своего дела, но только при исполнении всех денежных обязательств. Обращаясь к образу Дальгетти, И.С. Тургенев угадывает в ходе чтения комическое развенчание его воинствующе-корыстной природы. Вальтер Скотт действительно гениально делает это, например, через отличительную черту героя — его словоохотливость, которая доходит до чрезмерной болтовни. И русский писатель подчеркивает один из таких отрывков, указывающий на манерность и пустословие:

...и я не могу уехать, не засвидетельствовав вам, как глубоко взволновала меня ваша душеспасительная проповедь и как я искренне раскаиваюсь в том, что вчера за вечерней трапезой я как будто не выказал достаточного уважения, подобающего вашей особе [11, т. 7, с. 524].

Другим способом «разоблачения» Дальгетти оказывается проявление его истинных чувств в минуты страха. И.С. Тургенев отмечает момент, когда он, испугавшись неизвестно откуда раздавшегося голоса, становится откровенно смешон в своих молитвенных причитаниях, переходит с латыни на испанский и немецкий: «...принялся повторять разноязычный запас заклинаний, когда-либо им слышанный, причем помнил он не более одного-двух слов из каждого» [11, т. 7, с. 508]. Комичность образа Дальгетти создается и за счет такой бытовой детали, как непомерный аппетит, что И.С. Тургенев тоже отмечает:

За твоё здоровье, дружище! — проговорил капитан, успевший покончить с огромным куском жареной козлятины и принявшийся теперь за флягу с вином [11, т. 7, с. 510].

Однако, при всем внимании к иронической стороне повествования, И.С. Тургенев, вслед за автором, выделяет в капитане доброе и сердечное

отношение к своему коню. Писатель подчеркивает сначала самохарактеристику Дальгетти во время одной из бесед: «...насторожил уши, как Густав, когда тот слышит звуки открываемого закрома с овсом» [11, т. 7, с. 510–511]. И далее отчеркивает слова из его рассказа: «Не прикажете ли слуге подвести туда моего коня — темно-серого мерина; стоит только кликнуть: “Густав!” — и он насторожит уши» [11, т. 7, с. 525]. Привязанность Дальгетти к своему скакуну очевидно напоминает у Вальтера Скотта пару Дон Кихот и Россинант, но Тургенев понимал, что иронический оттенок здесь лишен своей силы и резкости.

Изображению военного сословия в романах Вальтера Скотта русский писатель уделял особое внимание не только в контексте исторических событий. Со второй половины 1840-х гг. он и в собственную прозу вводит таких лиц («Бретёр», «Жид», «Петушков»). И.С. Тургенева волновала судьба офицера, ищущего своего места в новых обстоятельствах. В романах В. Скотта он интересуется военными людьми, принадлежащими к разорившемуся дворянству, которые лишены достатка, мало образованы, но преисполнены честолюбия. Таким ему представился Гектор Мак-Интайр из «Антиквария» — капитан, обедневший дворянин, ныне полностью зависящий от своего дядюшки Олдбока, что заставляет его чувствовать себя ущемленным в своем достоинстве. Писатель отмечает несоответствие между действительным положением вещей и притязаниями молодого человека, которые выражаются в бесконечной гордости за свою родословную и, как следствие, в презрении к народной культуре (например, к балладам несчастной Элспет). Автор не случайно наделяет героя именем легендарного героя Древней Греции и одновременно делает его «жертвой» тюленя (во время неудачной охоты). Тургенев-читатель идет в направлении той иронической характеристики, что выстраивает дядюшка-антикварий, периодически словесно обыгрывая неловкость племянника в поимке морского животного. Писатель подчеркивает эти выпады в сторону капитана: «С обитателями моря, Гектор, моей семье не везет» [11, т. 3, с. 442]; или: «Не унывай, храбрый сын Приама, — сказал антикварий, — слушайся своих друзей» [11, т. 3, с. 438]. Важно, что именно гордость, которую пытается усмирить Олдбок, приводит Гектора к поединку с Ловелем, но И.С. Тургенев во время чтения не отмечает примечательной сцены дуэли, хотя ее описание в целом и в отдельных частностях напоминает картину столкновения Базарова и Кирсанова в «Отцах и детях».

Славный «воин-дворянин» отмечен И.С. Тургеневым как лицо, в котором ярко проявились черты переходного периода «будничной» Шотландии. Как и Калев из «Кенилворта», он отказывается признавать совершившиеся изменения и надеется на восстановление своих прав. Мысль о близости Шотландии, сохраняющей патриархальные основы, которые уже поддаются разрушению, и России звучит в упомянутой выше статье И.С. Тургенева о русском крестьянстве. Метания человека между безвозвратно ушедшим и настоящим определяли для русского писателя состав трагикомического синтеза вальтерскоттовской эстетики. В этой же тенденции он отмечает в произведениях В. Скотта различные типы поведения героев.

Особенно показательны пометы в романе «Сент-Ронанские воды» (1823), где И.С. Тургенев не раз выделяет сцены с Мег Додз, владеющей шотландским подворьем, который патриархальным типом жизни противопоставлен новому отелю и его обитателям. Смысл помет писателя — в его собственных художественных поисках, которые выльются позже в эпическую книгу «Записки охотника». Наблюдения над образом Мег Додз отвечали размышлениям И.С. Тургенева о национальном характере, и важно заметить, что его читательские выводы идут несколько вразрез с опытом Н.В. Гоголя, у которого фигура Коробочки чертами облика и быта соотносима с деревенской трактирщицей В. Скотта (см.: [4, с. 178–180]). Образ русской помещицы выполнен в сатирической манере, а трагические ноты принадлежат размышлениям повествователя о загубленной человеческой жизни на примере «дубинноголовой», скаредной и хитрой героини. Гоголь акцентирует внимание на порочной сущности современной русской жизни, Тургенев-читатель обращает внимание на несколько иную точку зрения. Наряду с комическими чертами, которые не доводятся у В. Скотта до откровенной сатиры, он отмечает достоинства героини. Например, писатель выделяет «боевое» поведение Мег Додз в момент внезапного появления в ее гостинице «призрака» Тиррела:

Конюх и горбатый почтальон, один с фонарем и вилами, другой со свечой и метлой, составляли авангард, центром являлась сама миссис Додз, которая говорила зычным голосом и потрясала каменными щипцами, а обе служанки — часть армии, не заслужившая доверия после того, как была обращена в бегство, — прикрывала тыл [11, т. 16, с. 376].

Ирония в адрес хозяйки подворья, ее «воинственного» духа и желания не уступать «призраку», тут же уравниваются в восприятии И.С. Тургенева присутствием уважения к здравому смыслу, проявленному в «фантастических» обстоятельствах:

Призрак! Подумать только! Уж я им покажу призраков. Если бы они больше думали о своей работе, чем о всяких глупостях, так не угощали бы меня подобными бреднями [11, т. 16, с. 382].

Писатель отмечает и другую речь героини, в которой проявлена ее природная пронзительность: «Начинает мне сдаваться, дружок, что вы не пропадете. Вид у вас такой, будто вас всякий вокруг пальца обкрутит, а вы ходит, что вы не дадите наступить себе на ногу» [11, т. 16, с. 385].

Среди обитателей подворья И.С. Тургенев также выделяет коммерсанта Перегрин Тачвуда, в чьем образе автор запечатлел рождение новой Шотландии. Обращаясь к путешественнику, находящемуся на границе между старым Сент-Ронаном и новомодным отелем у источника, русский писатель в большинстве своих замет акцентирует самонадеянность героя, нередко вызывающую смех. Наблюдая за действиями Тачвуда, он отчеркивает, например, момент его «вторжения» в заброшенную обитель священника Каргила:

Наконец, решив, что в таком заброшенном и покинутом месте нарушение неприкосновенности владения едва ли будет поставлено ему в вину, он с таким грохотом отодвинул в сторону препятствие, преграждавшее вход, что должен был непременно потревожить кого-нибудь в доме, если там была хоть одна живая душа. Но все было по-прежнему тихо [11, т. 16, с. 229].

В том же русле выделено и высокопарное рассуждение старого путешественника по поводу падения в грязную канаву: «Да, я, видимо, не худо выгляжу, — произнес мистер Тачвуд, тяжело припадая к плечу своего спасителя и отирая покрытое потом лицо, — мне казалось, что я не так уж серьезно ранен, но вот сейчас я совсем ослабел, — и потеря крови, наверно, порядочная» [11, т. 16, с. 379].

И.С. Тургенев, отметивший элементы комического в изображении героя, штрихом выделил и его некоторую ограниченность (в которой не ма-

лая доля самолюбия), помешавшую предотвратить трагический ход событий: «Надоедливый и любопытный старик, — думал Тиррел. — Помнится мне, он едва избежал в Смирне палочных ударов за то, что давал некоему турецкому кади советы, которых тот не спрашивал. А между тем он оказал мне услугу, дающую ему вроде права *приставать* ко мне» [11, т. 16, с. 389].

Вскоре после чтения произведений В. Скотта И.С. Тургенев имел возможность оценить в поэме Н.В. Гоголя сходство Чичикова с Тачвудом, которое прочерчивается довольно отчетливо, начиная уже с описания внешности. Скупщик мертвых душ схож с героем В. Скотта неистощимостью любопытства, «титанической жадой деятельности» [11, т. 16, с. 385], активностью в нанесении визитов, способностью вести беседы на темы, любезные его собеседникам, и умением в короткий срок завоевать их симпатии. Однако в гоголевском персонаже парадоксально сочетаются кипучая деятельность с авантюризмом, целенаправленность с утратой нравственных ориентиров. Эта сатирическая подоплека образа Чичикова снова разводит Гоголя и Скотта [4, с. 176–179].

В результате пометы, сделанные русским писателем на страницах романов Вальтера Скотта, позволяют говорить об огромном его интересе к творчеству «шотландского чародея». Читая в 1840-е гг. произведения английского писателя на языке оригинала, он открывал мир, который заставил уже тогда признать его автора не только величайшим живописцем, но и ученым, раскрывающим движение самой истории. Скоттовская идея обусловленности личности эпохой была близка И.С. Тургеневу, усвоившему принципы историзма В.Г. Белинского. Исключительное значение для русского писателя имело пристрастие В. Скотта к изображению переломных времен, дающее возможность проецировать противоречивый ход истории на психологию героев.

Список литературы**Исследования**

- 1 *Альшиллер М.Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России. СПб.: Академический проект, 1996. 344 с.
- 2 *Гутман Д.С.* Тургенев и Вальтер Скотт // О традициях и новаторстве в литературе. Межвузовский научный сборник. Уфа: [б.и.], 1976. С. 83–93.
- 3 *Долинин А.А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988. 315 с.
- 4 *Жилякова Э.М.* Шотландские страницы. Эхо Вальтера Скотта в русской литературе XIX века. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. 290 с.
- 5 *Реизов Б.Г.* Творчество Вальтера Скотта. М.; Л.: Худож. лит., 1965. 496 с.

Источники

- 6 *Белинский В.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1976–1982.
- 7 Кенильворт: Исторический роман Сира Вальтера Скотта, с присовокуплением предведомительного замечания о Кенильвортском замке и жизнеописания графа Лейчестера. М., 1823. Т. 1–4 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 563–564.
- 8 Маннеринг, или Астролог. Соч. сира Валтера Скотта / пер. с фр. В. Броневского. М., 1824. Т. 1, 3–4 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 554–556.
- 9 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. 3-е изд. М.: Наука, 1962–1965.
- 10 Редгонтлет (Красная перчатка). Повесть осьмагонадесять столетия. Соч. сира Вальтера Скотта. М., 1828. Т. 1–4 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 559–562.
- 11 *Скотт В.* Собр. соч.: в 20 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1965.
- 12 *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. 2-е изд. Сочинения: в 12 т. М.: Наука, 1978–1986.
- 13 Histoires du temps des croisades. Par Sir Walter Scott. Paris, 1825. Vol. 1–6 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 4233–4238.
- 14 Le monastère. Par Sir Walter Scott. Paris, 1820. Vol. 1–4 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 3905–3906, 4258–4259.
- 15 *Scott W.* Anna of Geierstein. Paris, 1833 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1915.
- 16 *Scott W.* Guy Mannering; or, The Astrologer. Paris, 1836 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1884.
- 17 *Scott W.* Ivanhoe, A Romance. Paris, 1835 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1886.
- 18 *Scott W.* Kenilworth. Paris, 1838 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1903.
- 19 *Scott W.* Redgauntlet. Paris, 1832 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1909.
- 20 *Scott W.* St. Ronan's Well. Paris, 1832 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1908.
- 21 *Scott W.* The Antiquary. Paris, 1836 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1885.
- 22 *Scott W.* The Betrothed. Paris, 1832 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1910.
- 23 *Scott W.* The Bride of Lammermoor. A Legend of Montrose. Paris, 1831 // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1889.

- 24 Scott W. The Fortunes of Nigel. Paris, 1832 // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1905.
25 Scott W. The Pirate. Paris, 1832 // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1904.
26 Scott W. The Talisman. Paris, 1832 // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1911.
27 Scott W. Waverley, or 'Tis Sixty Years Since. Paris, 1837 // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1883.

References

- 1 Al'tshuller, M.G. *Epokha Val'tera Skotta v Rossii* [*The Walter Scott Era in Russia*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1996. 344 p. (In Russ.)
- 2 Gutman, D.S. "Turgenev i Val'ter Skott" ["Turgenev and Walter Scott"]. *O traditsiakh i novatorstve v literature* [*About Tradition and Innovation in Literature*]. Ufa, [s.n.], 1976, pp. 83–93. (In Russ.)
- 3 Dolinin, A.A. *Istoriia, odetaia v roman: Val'ter Skott i ego chitateli* [*History, Dressed Up as Novel: Sir Walter Scott and His Readers*]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 315 p. (In Russ.)
- 4 Zhiliakova, E.M. *Shotlandskie stranitsy. Ekho Val'tera Skotta v russkoi literature XIX veka* [*Scottish Pages. Echo of Walter Scott in Russian Literature of the 19th Century*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2014. 290 p. (In Russ.)
- 5 Reizov, B.G. *Tvorchestvo Val'tera Skotta* [*Walter Scott's Works*]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 496 p. (In Russ.)